

Р. И. Беккин

«К ТАТАРАМ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ОТНОСИТСЯ ПЛОХО...» (СУДЬБА ИМАМА Я. К. ХАЛЕКОВА)*

doi: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-82-90

УДК 94(470)“18/19”:297.17

ББК 63.3(2)+86.38

В статье представлена реконструкция биографии имама-хатиба ленинградской Соборной мечети Якуба Халекова. Рассматриваются три этапа его религиозной деятельности: 1) вологодский (1910–1917), 2) петроградско-ленинградский (1920–1931) и 3) орехово-зуевский (1948–1950). Судьба Я. Халекова позволяет проследить эволюцию государственной политики по отношению к исламу в царской, а затем в советской России в первой половине XX в. Начав свою карьеру в качестве полуофициального муллы в Вологде, Я. Халеков смог добиться от имперских чиновников полной легализации возглавляемого им прихода. В 1921 г. он становится имамом-хатибом петроградской (позднее ленинградской) Соборной мечети и фактически возглавляет местную мусульманскую общину. В конце 1940-х гг. земляки-нижегородцы приглашают его в подмосковное Орехово-Зуево. Здесь до самой своей смерти он служит неофициальным муллой, не только выполняя религиозные обряды, но и передавая знания о религии младшему поколению. По мнению автора, в 1920–1940-е гг. мусульманам в СССР в первую очередь были нужны не выдающиеся богословы, а имамы, способные вести повседневную религиозную работу, даже и в полуподпольных условиях. В основе статьи лежат материалы из государственных и частных архивов, а также полевые материалы автора. Особое внимание уделено материалам следственного дела «по обвинению националистической контрреволюционной группировки, возглавляемой муллами Халиковым Якубом и Басыровым Кемалем» (1931), позволяющим реконструировать не только биографию Я. Халекова, но и историю татаро-мусульманской общины Ленинграда 1920-х гг.

Ключевые слова: *имам-хатиб, татаро-мусульманская община, «двадцатка», панисламизм*

Введение

Интерес к истории мусульманских сообществ Российской империи и Советского Союза нередко принимает форму изучения биографий исламских религиозных деятелей — представителей т. н. «официального духовенства». Имамы, возглавлявшие приходы (общины) в Петербурге, зачастую были хорошо известны за пределами имперской столицы и потому привлекают особое внимание исследователей. Речь идет о таких фигурах, как Габдулвахид Сулейманов (1786–1862),¹ Атауллы Баязитова (1846–1911),² Мухаммед-Зариф Юнусов (ум.

1914).³ Наиболее заметной фигурой среди имамов советского периода в Петрограде–Ленинграде является Муса Джарулла Бигеев (1873–1949).⁴ Связано это не столько с его недолгой работой в качестве петроградского имама, сколько с богатым интеллектуальным наследием ученого. К сожалению, некоторые из работ, посвященных петербургским имамам, по своему содержанию больше напоминают житие, чем жизнеописание. Вместо реального человека, жившего в определенную эпоху и в определенной среде, перед читателем предстает рыцарь без страха и упрека.⁵

¹ См.: Сенюткина О. Н. Габдулвахид б. Сулейман б. Салюк: [Габдулвахид Сулейманов: к 220-летию со дня рождения]. Н. Новгород, 2006.

² См.: Гафурова А. Ш. Татарская газета «Нур» в Санкт-Петербурге и ее основатель Атауллы Баязитов. СПб., 2003; Мухаметшин Р. Гатауллы Баязитов (1847–1911) // Татарские интеллектуалы: исторические портреты. Казань, 2005. С. 51–57; и др.

Беккин Ренат Ирикович — д.э.н., к.ю.н., Институт Африки РАН (г. Москва)
E-mail: bekkin@mail.ru

* Автор выражает признательность А. Я. Разумову и Г. А. Баутдинову за ценные сведения, без которых эта статья не была бы написана.

³ См.: Юнусов К. О. Ислам в Санкт-Петербурге. Татары Санкт-Петербурга, мулла М. З. Юнусов и строительство соборной мечети... // Арабская вязь: статьи, доклады, воспоминания. СПб., 2012. С. 252–262.

⁴ См.: Тагирджанова А. Н. Книга о Мусе-эфенди, его времени и современниках. Казань, 2010; Беккин Р. И. Муса Бигеев как лидер мусульманской общины Петрограда (по материалам писем Мусы Джаруллаха Бигеева к Мухаммед-Алиму Максутову) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2017. № 7. С. 227–235; и др.

⁵ Большинство авторов Атауллы Баязитов представляет как единственный инициатор строительства Соборной мечети в Санкт-Петербурге (см.: Гафурова А. Ш. Свет через столетие // Казань. 2000. № 12. URL: http://tatarica.narod.ru/archive/03_2004/81_30.03.04-5.htm (дата обращения: 10.09.2017)). Некоторые авторы называют А. Баязитова, стоявшего на охранительных позициях, «едва ли не самым последо-

Из других имамов советского периода в поле зрения исследователей попали имам-хатибы Ленинградской Соборной мечети Г. Н. Исаев (1907–1982) и Х. В. Махмутов (1937–2008).⁶ В статье мы представим неизвестные или малоизвестные сведения, которые в будущем могли бы послужить основой для написания биографии имама-хатиба петроградской (затем — ленинградской) Соборной мечети с 1920 по 1931 гг. Якуба Кемалеви-ча Халекова (1887–1950).⁷

Деятельность Халекова как имама можно разделить на три периода:

1. вологодский (1910–1917);
2. петроградско-ленинградский (1920–1931);
3. орехово-зуюевский (1948–1950).

О жизни Я. Халекова до 1910 г., т. е. до появления его в Вологде в качестве имама, известно крайне мало. Якуб Кемалевич Халеков родился в деревне Ключищи (Суыксу) Сергачского уезда Нижегородской губернии в семье крестьянина в декабре 1887 г. В 1909 г. окончил медресе в Казани. В Вологду Я. Халеков прибыл в конце 1909 г. или в начале 1910 г. вместе с женой Разией (1889–1960) и братом Махмудом (1893–1955).

Вологодский период в жизни имама Я. К. Халекова (1910–1917)

В январе 1910 г. собрание, на котором присутствовал 31 мусульманин Вологды, «составило приговор» о сборе денежных средств на устройство в городе молельни и о приглашении муллы.⁸ Временно исполняющим духовные требы был избран некий Гайнан Галиев.⁹ 27 августа того же года¹⁰ 28 человек из числа вологодских мусульман, достигших 25-летне-

го возраста,¹¹ единогласно постановили на общем собрании избрать крестьянина Якуба Халекова муллой на 3 года.¹² Он должен был проводить религиозные обряды не только среди гражданских лиц, но и среди военнослужащих, расквартированных в городе. Вновь приглашенному мулле был установлен оклад в размере 25 рублей. Данная сумма должна была собираться с мусульман, проживавших в городе.

Однако решением Вологодского губернского правления от 12 января 1911 г. ходатайство верующих об утверждении Я. Халекова муллой было отклонено. Основанием для отказа послужило следующее: согласно ст. 1416 Устава духовных дел иностранных исповеданий, мусульманские муллы и имамы могли состоять лишь при мечетях, а в Вологде таковой не имелось. Сама же постройка мечети не представлялась возможной, поскольку в городе проживало всего 69 мусульман мужского пола, а, согласно действовавшему законодательству (ст. 155 Устава строительного), для сооружения мечети требовалось постоянное проживание в населенном пункте не менее 200 мужчин (в т. ч. несовершеннолетних).

Однако в ноябре 1911 г. по рекомендации, поступившей из Министерства внутренних дел,¹³ Я. Халеков все же был утвержден в должности муллы. Вместе с тем губернское начальство, следуя той же рекомендации МВД, обратилось в июне 1911 г. в Правительствующий Сенат за разъяснением вопроса о возможности создания мусульманского прихода в городе.

Между тем жизнь не получившего официального утверждения со стороны губернских властей прихода во главе с утвержденным имамом шла своим чередом. Мусульмане под

вательным реформатором-модернистом» (см.: Гафаров А. А., Набиев Р. А. Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX — начале XX в. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 128).

⁶ См., напр.: Тагирджанова А. Н. Мечети Петербурга: проекты, воплощение, история мусульманской общины. СПб., 2014. С. 105–111; Беккин Р. И. Материалы частных и государственных фотоархивов как источник по истории татаро-мусульманской общины советского Петрограда–Ленинграда. 1917–1991 гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 140–144.

⁷ В некоторых документах встречается другое написание фамилии имама — Халиков. Однако, поскольку сам Якуб Кемалевич подписывался в основном как Халеков, в настоящей статье мы будем использовать этот вариант.

⁸ См.: Загидуллин И. К. История мусульманской общины Вологды // Ислам минбаре. 2011. № 188/189. URL: www.idmedina.ru/minbare/?2418 (дата обращения: 10.09.2017).

⁹ Протокол собрания проживающих в Вологде магометан об избрании вологодским муллой Я. К. Халикова (1910). ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7105. Л. 9.

¹⁰ Здесь и далее все даты указаны по старому стилю.

¹¹ Как видно из сведений, представленных Я. Халековым в 1915 г. губернскому начальству, большинство вологодских мусульман занималось разносной торговлей (Список мусульман, проживающих в г. Вологде (1915). ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7105. Л. 73–77об.).

¹² Протокол собрания проживающих в Вологде магометан об избрании вологодским муллой Я. К. Халикова (1910). ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7105. Л. 9.

¹³ В июне 1911 г. товарищ министра внутренних дел С. Е. Крыжановский писал вологодскому губернатору: «... постановление губернского правления (от 12.01.1911 — Р. Б.) не находит себе прямого основания в ...статье закона. Равным образом оно не вытекает и из общего духа нашего вероисповедного законодательства» Чиновник рекомендовал губернатору обратиться в установленном законом порядке в Правительствующий Сенат с представлением об отмене указанного постановления. Кроме того, Крыжановский просил проинформировать его о тех мерах, которые будут приняты для «предоставления проживающим в Вологде мусульманам возможности удовлетворять их религиозные потребности» (Резолюция вологодского вице-губернатора об утверждении вологодским муллой Я. К. Халикова (1911). Л. 42–42об.).

руководством Я. Халекова собирались на пятничные и праздничные намазы, при нем велись метрические книги.¹⁴

Новая попытка зарегистрировать приход и начать собирать средства на строительство мечети была предпринята вологодскими мусульманами во главе с Я. Халековым уже в начале 1912 г. К тому времени количество мусульман в Вологде, а также в Грязново, Череповце и Галиче достигало 224 лиц мужского пола.¹⁵ Однако и эта попытка не увенчалась успехом.

Переписка между ведомствами по делу мусульманского прихода в Вологде затянулась. Представление об отмене постановления губернского правления от 12 января 1911 г. по причине возникших разногласий между сенаторами поступило в Государственный совет. 20 января 1915 г. Первый департамент Госсовета признал постановление Вологодского губернского правления от 12 января 1911 г. «правильным и рапорт об отмене его подлежащим оставлению без последствий».¹⁶ Это означало ликвидацию существовавшего с 1911 г. мусульманского прихода, возникшего в результате решения губернской власти, основанного, в свою очередь, на разъяснении МВД.

Однако в том же январе 1915 г. директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Е. В. Менкин направил вологодскому губернатору В. А. Лопухину письмо, в котором рекомендовал в виде исключения разрешить открытие прихода в Вологде. В качестве весомого аргумента в пользу такого решения Е. В. Менкин указывал, что «...прекращение дальнейшего существования магометанского прихода в гор. Вологде может вызвать вполне справедливое недовольство среди бывших прихожан, особенно нежелательное в переживаемое нами военное время».¹⁷

Дело сдвинулось с мертвой точки после обращения министра внутренних дел к императору,¹⁸ но официально зарегистриро-

вать приход мусульманам Вологды удалось лишь в феврале 1916 г. Работа мусульманского прихода прекратилась в связи с революционными событиями 1917 г.

Работа Я. К. Халекова имамом-хатибом в Петрограде—Ленинграде (1920–1931)

Я. Халеков переехал с семьей в Петроград в 1918 г.¹⁹ Так поступали многие жители соседних губерний, спасаясь от бедствий Гражданской войны. В Петрограде проживал тесть Я. Халекова — Ибрагим Батырбаев. Как человек, обладавший безупречной репутацией в среде столичных мусульман, И. Батырбаев долгие годы выполнял функции казначея Мусульманского благотворительного общества и казначея Комитета по постройке Соборной мечети в Санкт-Петербурге. Следы Ибрагима Батырбаева теряются в 1920 г. Однако в Петрограде продолжали оставаться оба его сына — Сулейман и Хус(с)ейн, с которыми Я. Халеков поддерживал дружеские отношения.

Несколько месяцев Я. Халеков был занят в качестве рабочего Восточного продовольственного магазина. Затем был принят десятником в ассенизаторский обоз, где также проработал несколько месяцев. Остальное время бывший имам был безработным, перебиваясь случайными заработками и получая поддержку от своего тестя.

В 1920 или 1921 г. по приглашению Лутфуллы Исакова (ум. 1925) и Мусы Бигеева Я. Халеков начинает выполнять обязанности имама в Соборной мечети. В первой половине 1920-х гг. советская власть сдержанно относилась к мусульманам.²⁰ Однако Петроград был особым городом. В колыбели трех революций любая ошибка и неверное действие со стороны верующих могли привести к неадекватно жесткой реакции со стороны властей. Перед глазами ленинградских мусульман был пример молельни (мечети) в Кронштадте. В 1927 г. мусульманскую мечеть в Кронштадте, функционировавшую с 1870 г., закрыли. Этому предшествовал арест и высылка в 1926 г. имама и трех членов «двадцатки» при мечети.

Перед Я. Халековым стояла важная задача — сохранить единство мусульман Петро-

¹⁴ Сообщение директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий вологодскому губернатору В. А. Лопухину об обстоятельствах избрания вологодского муллы Я. К. Халикова, его религиозной деятельности и положении мусульманского прихода г. Вологды (1915). ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7105. Л. 86.

¹⁵ См.: Загидуллин И. К. Указ. соч.

¹⁶ Сообщение директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий... ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7105. Л. 86об.

¹⁷ Там же. Л. 87.

¹⁸ Министру внутренних дел было предоставлено право в особых случаях (например, при отдаленности населенного пункта от зарегистрированной приходской мечети) позволять сооружение мечети в обход действующих правил.

¹⁹ До этого он почти год учительствовал в Вологде (Анкета Халекова Я. К. Л. 17. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ).

²⁰ Подробнее о государственной политике в отношении мусульман в 1920-е гг. см.: Арапов Д. Ю. Ислам и мусульмане (По материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год). Вып. 1. М., 2010. С. 11–24.

града в условиях разворачивавшейся политики борьбы с религией. Несмотря на то что значительное число верующих (прежде всего мусульманской интеллигенции) покинуло город в годы Гражданской войны, в Петрограде еще оставались яркие представители дореволюционной татаро-мусульманской общины города. Часть их позднее эмигрировала. Так, в 1922 г. в Финляндию нелегально переехал Лутфулла Исахов. В 1920-е гг. мусульманская община Петрограда—Ленинграда увеличилась за счет прибывших из голодающего Поволжья и бежавших от раскулачивания. Бывшие «кулаки» из нижегородских деревень отправлялись к своим землякам в Ленинград, где находили поддержку.

С М. Бигеевым Я. Халеков был знаком еще до революции, но подлинная дружба между ними сложилась после 1920 г. Вот какую характеристику он дал М. Бигееву в 1931 г.: «Я иногда к нему ходил как к человеку, пользующемуся известностью и уважением среди татар. Я от него иногда получал разъяснения по религиозным вопросам».²¹

Отвечая на вопрос о собственных взглядах на ислам, Я. Халеков говорил: «Я сторонник “ислама”, но смотрю на его ученье как на форму, призывающую к культуре мусульманский народ, т. е. ученье ислама не должно существовать абстрактно от культурного развития».²²

Как видно из материалов «дела Бигеева», Я. Халеков пользовался авторитетом у верующих. По данным ОГПУ, в дни праздников Курбан-байрам и Ураза-байрам в Соборную мечеть приходило около 5–6 тысяч человек (т. е. около 20–25 % всего татарского населения Ленинграда).²³

Знаковым событием для мусульманской общины Ленинграда стало посещение 11 мая 1928 г. Соборной мечети афганским падишахом Амануллой ханом. На Московском вокзале среди встречавших Аманулла хана были представители «татарской колонии».²⁴ Узнав по «сарафанному радио» о намерении афган-

ского падишаха посетить мечеть, мусульмане, жившие в Ленинграде, направились туда.²⁵

Почти тридцать лет спустя, в 1956 г., благодаря визитам гостей из стран мусульманского Востока, Соборная мечеть была открыта для верующих.²⁶ Поэтому, на наш взгляд, нельзя исключать и того, что власти города принимали во внимание международный фактор, и это удерживало их от закрытия мечети. Однако важнейшим аргументом против закрытия мечети оставалась потребность татар Ленинграда в исполнении религиозных предписаний. Доля прихожан, как показывают данные на 1930 г., в дни мусульманских праздников достигала 25 % численности татарского населения города.

Большое значение для ленинградской Соборной мечети и ее служителей имела помощь со стороны татар-торговцев. В ноябре 1921 г. председатель Мусульманского общества при Соборной мечети М.-А. Максудов обратился в отдел управления Петросвета с просьбой разрешить татарам, проживавшим в Петрограде, вести торговлю вразнос. Власти дали согласие.²⁷ Но к концу 1920-х гг. оставшиеся в городе предприниматели стали сворачивать свою деловую активность, а некоторые эмигрировали, например Гумер Сали, владевший несколькими мануфактурными магазинами в Ленинграде. В 1926 г. он нелегально пересек советско-финскую границу и навсегда покинул Советский Союз. Поэтому нельзя исключать того, что один из главных обвиняемых по делу М. Бигеева К. Басыров²⁸ вполне мог произнести приписываемые ему свидетелем К. Бедрятдиновым следующие слова: «...в Финляндии живет лучше, здесь татар притесняют, а там свободно... наши татары приспособлены торговать, а Советская власть это не разрешает. В Финляндии этого нет».²⁹

Перебравшиеся в Финляндию татары продолжали оказывать материальную помощь

²¹ Обвинительное заключение по след. делу № 111999 по обвинению националистической контр-революционной группировки, возглавляемой муллами Халековым Якубой (Якубом — Р. Б.) и Басыровым Кемалем, в пр. ст. 58-4 УК. Л. 170. В дальнейшем в статье мы будем именовать данное дело «делом Бигеева». Здесь и далее при цитировании сохранены по возможности особенности орфографии и пунктуации материалов следственного дела.

²² Протокол допроса Халекова Я. К. от 22 февр. 1931 г. Л. 172. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

²³ Обвинительное заключение по след. делу № 111999... Л. 369. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

²⁴ См.: Тагирджанова А. Н. В костеле мог бы звучать азан... // История Петербурга. 2008. № 2 (42). С. 56.

²⁵ См.: Первый строитель Дагестана // Дагестанская правда. 2009. № 46, 47. URL: <http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/5152/> (дата обращения: 10.09.2017).

²⁶ См.: Тагирджанова А. Н. В костеле мог бы звучать азан... С. 59.

²⁷ Данное заявление находится пока что среди необработанных документов, поступивших в ГМИР после закрытия Соборной мечети в 1940 г. Автор благодарит заместителя директора музея Е. А. Терюкову и хранителя И. В. Тарасову за возможность ознакомиться с данными документами.

²⁸ С 1920 по 1928 гг. К. Басыров возглавлял мусульманский приход, размещавшийся по адресу: ул. Большая Московская, д. 1/3. Приход на ул. Большой Московской функционировал до своего закрытия в 1928 г. К. Басыров также проводил религиозные обряды среди мусульман Детского Села (ныне — г. Пушкин).

²⁹ Обвинительное заключение по след. делу № 111999... Л. 373. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

своим землякам в Ленинграде. Среди основных спонсоров татаро-мусульманской общины Петрограда—Ленинграда были Зинетулла Ахсан Бере (1886–1945),³⁰ упоминавшийся выше Гумер Сали, а также Жемалетдинов и братья Аляутдиновы. До 1930-х гг. советско-финская граница была прозрачной, и татары Ленинграда не прерывали связей со своими земляками, перебравшимися в Финляндию.

Татары Финляндии сыграли важную роль в деле освобождения М. Бигеева. В 1923 г. он был арестован в Москве после публикации им в Берлине книги «Азбука ислама».³¹ Именно финские татары, узнав о случившемся, обратились к турецкому правительству с просьбой вмешаться. Вскоре М. Бигеев был освобожден из-под ареста.

Турецкие дипломаты в Москве старались по возможности оказывать поддержку обращавшимся к ним татарам. Не случайно имаму К. Басырову вменялась в вину связь с турецким посольством в Москве: «...обвиняемый Басыров... использовался турецким посольством как информатор, кроме этого получаемые книги им из посольства носили пантюркистский характер, как журнал “Тюрк Юрду”».³²

Помощь татарско-мусульманской общине оказывали также кашгарские купцы, приезжавшие по делам торговли в Ленинград. Благодаря их помощи (в частности, купца Ахунбаева из Кашгара) М. Бигеев совершил в конце 1930 г. удачный побег из Советского Союза. Первоначальный план его бегства предполагал переход советско-финской границы.³³

Бегство М. Бигеева послужило поводом для разгрома руководства мусульманской общины Ленинграда. В ночь с 15 на 16 февраля 1931 г. были арестованы 27 человек, в том числе имам-хатиб Соборной мечети Я. К. Халеков, имам К. Б. Басыров, жена и дети М. Бигеева, шурины Я. Халекова Сулейман и Хус(с)ейн Батырбаевы, члены «двадцатки» при Соборной мечети. Органами ОГПУ было заведено следственное дело № 111999 «По обвинению националистической контрреволюционной

группировки, возглавляемой муллами Халековым Якубом и Басыровым Кемалем».³⁴

В материалах следствия встречается фамилия одного известного человека, который, однако, не проходил по делу ни в качестве обвиняемого, ни в качестве свидетеля. Один из фигурантов «дела Бигеева», Исмаил Саямов, помимо прочего указывал: «Идеологию Бигеева разделяют муллы: Халеков, Басыров и Баязитов, они в своих проповедях осторожно, но проводят те же взгляды».³⁵ Бывший муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммад-Сафа Баязитов действительно проживал тогда в Ленинграде, но вел жизнь малоприметную. Заслуживает внимания и тот факт, что он не был арестован в феврале 1931 г. по «делу Бигеева», хотя вышеприведенного упоминания в материалах следствия было бы вполне достаточно для этого. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы пока не позволяют сделать однозначных выводов о роли М.-С. Баязитова в деле М. Бигеева.³⁶

Не выяснена роль и других лиц, проходивших по этому делу в качестве свидетелей, в частности муэдзинов мечети Фатыха Юнусова и Самиуллы Ахтямова. И тот и другой дали показания, недвусмысленно обвинив Я. Халекова, К. Басырова и других фигурантов дела в антисоветской агитации. Так, Ф. Юнусов утверждал следующее: «Мулла Халиков, в большинстве своем, посещал богатых татар, где бывают сборища по 10–15 чел. ... Халиков очень красноречив, его всегда выслушивали с вниманием. Группа Халикова, как: Саямов, Еникев, Тифитулин, Баймашев и друг., стоящие близь него, а также мулла Басыров среди местных татар вели агитацию о недовольстве советской властью, говорили, что скоро будет война. Советской власти будет конец. Муллы Халиков и Басыров, когда посещали квартиры татар, занимались антисоветской агитацией: указывали, что советская власть преследует религию, давит население налогами, к татарам советская власть относится плохо, лишает их права голоса, не дает работы».³⁷

³⁰ Подробнее о З. Бере см.: Suikkanen M. Yksityinen Susi — Zinetullah Ahsen Bören (1886–1945) eletty ja koettu elämä, pro gradu – tutkielma. Tampere, 2012.

³¹ Русский перевод книги см.: Хайрутдинов А. Г. Наследие Мусы Джаруллаха Бигиева: сб. документов и материалов. Ч. 1. Казань, 2000. С. 38–63.

³² Обвинительное заключение по след. делу № 111999... Л. 380. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

³³ Там же. Л. 380–381.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 372.

³⁶ Сам М.-С. Баязитов был арестован в 1932 г. в Ленинграде и осужден на заключение в лагере на 5 лет. После освобождения в 1936 г. он приехал в Казань, где вновь был арестован в 1937 г. и расстрелян.

³⁷ Обвинительное заключение по след. делу № 111999... Л. 373–374. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

Ф. Юнусову вторил С. Ахтямов: «Бигеев нам известен как националист, он это высказывал во время проповедей. Муллы Халиков и Басыров являются его сторонниками, проповедовали т-же “бигеевские” взгляды... Все эти лица настроены враждебно к Соввласти, завоевали себе авторитет среди татар...»³⁸ Впоследствии С. Ахтямов стал имамом-хатибом ленинградской Соборной мечети (с 1935 г.).

В обвинительном заключении по следственному делу № 111999 говорилось следующее: «Среди татарской колонии Ленинграда существовала националистическая контрреволюционная группировка, организационно объединившаяся вокруг Ленинградской мечети, возглавляемая мусульманским духовенством. Основная руководящая роль в этой группировке принадлежала бежавшему в ноябре месяце 1930 года за границу известному пантюркисту, мусульманскому богослову — Бигееву Муса Джарулла... После его побега за границу руководящая роль в националистической организации перешла в руки ближайших его сторонников мулл Халекова Якуба и Басырова Кемаля. Эти муллы, группируя вокруг себя единомышленников националистической к[онтр]-р[еволюционной] идеологии из активных прихожан мечети (членов 20-тки и торгашеский элемент, имевший связи с татарской эмиграцией в Финляндии), маскируясь отправлением религиозных обрядов, занимались антисоветской агитацией».³⁹ Кроме того, Я. Халеков обвинялся в том, что «в своей антисоветской агитации проводил установки зарубежного к[онтр]-р[еволюционного] националистического центра Восточной эмиграции, покровительствовал побегу за границу Бигеева».⁴⁰

Из 27 арестованных по «делу Бигеева» постановлением Коллегии ОГПУ от 23 июля 1931 г. 23 человека были приговорены к разным срокам заключения. Имамы Я. Халеков и К. Басыров были осуждены к заключению в концлагерь сроком на 10 лет: первый — по ст. 58–4 и по ст. 17–84, второй — по ст. 58–4 и по ст. 58–6 УК РСФСР. Жена М. Бигеева Асьма ханум и дети Ахмед, Мариам и Хинд были высланы из Ленинграда сроком на три года.⁴¹

Не все проходившие по «делу Бигеева» в качестве обвиняемых или свидетелей вели

себя достойно. Говоря об имаме Я. Халекове, следует отметить, что его тактика поведения на следствии была оптимальной: отвечая на вопросы следователя, он не называл конкретных имен. «Вопр[ос]: Назовите мне сторонников Бигеева, его ученья и взглядов, “группирующих около него”». Отв[ет]: Влияние Бигеева распространяется на всю татарскую массу, его речи всегда являются авторитетными, неоспоримыми и воспринимаются массой как должествующая истина».⁴²

Дав признательные показания, Я. Халеков ограничился общими формулировками: «Работая вместе с Бигеевым в мечети и разделяя идеологию Бигеева, по сути дела, антисоветскую и националистическую, я совершал преступления перед Соввластью, делал я это под влиянием научного авторитета Бигеева, его популярности среди татар».⁴³ При этом он во время одного из допросов указывал, что слова и действия Бигеева не представляют угрозы для советской власти: «Но говорит он (Бигеев — Р. Б.) очень туманно, так что культурно отсталый татарин вряд ли поймет его речи. Всегда Бигеев проповедовал панисламизм, опираясь на плохое положение ислама в Индии, говорил еще так, что религия падает по вине самого народа, надо самим держаться за религию».⁴⁴ Иными словами, Я. Халеков подчеркивал, что: а) слова М. Бигеева при всем его авторитете среди мусульман недоступны большинству верующих, б) говоря о тяжелом положении мусульман, М. Бигеев имел в виду Британскую Индию.

Петербургский краевед А. Н. Тагирджанова утверждает, что своим бегством М. Бигеев спас собственную семью.⁴⁵ Не беремся здесь предполагать, какой была бы судьба семьи Мусы эфенди, останься он в СССР. Не вызывает сомнения, что сам он был бы рано или поздно уничтожен советской властью. Что касается ближайших друзей и коллег М. Бигеева, то им вряд ли бы удалось избежать ареста. Органы ОГПУ воспользовались бегством М. Бигеева, чтобы разгромить мусульманскую общину Ленинграда.

³⁸ Протокол допроса Халекова Я. К. от 22 февр. 1931 г. Л. 142. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

³⁹ Обвинительное заключение по след. делу № 111999... Л. 375. Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ.

⁴⁰ Протокол допроса Халекова Я. К. от 22 февр. 1931 г. Л. 142 (Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ).

⁴¹ Тагирджанова А. Н. Памяти выдающегося татарского философа-богослова Мусы Биги (1873–1949). URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/tagirjan.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

³⁸ Там же. Л. 374.

³⁹ Там же. Л. 368–369.

⁴⁰ Там же. Л. 384.

⁴¹ Там же. Л. 392–393.

*Я. К. Халеков — неофициальный мулла
в Орехово-Зуево (1948–1950)*

В 1937 г. имам Я. Халеков был досрочно освобожден из Беломорско-Балтийского комбината (ББК) НКВД, где он работал на строительстве канала. В самом лагере Якуб хазрат был осужден по ст. 58–10 на 2 года содержания в штрафном изоляторе.⁴⁶

У нас нет точных данных о том, где поселился имам Я. Халеков после своего освобождения из лагеря. Известно лишь то, что после войны он уже проживал в Ташкенте.⁴⁷ Сюда к нему в 1946 г. приехали две его дочери, Асия и Самия, поступившие в Среднеазиатский государственный университет (САГУ). Но отношения дочерей с отцом, по-видимому, не сложились.⁴⁸ У Я. Халекова уже была другая жена, имени которой нам не удалось пока установить.

В 1947–1948 гг. по приглашению нижегородского татарина Якуба Ибрагимова, уроженца села Большое Рыбушкино, Я. Халеков переехал из Ташкента в Орехово-Зуево.⁴⁹ К тому времени в этом подмосковном городке уже существовала небольшая татарская община, возникшая еще в конце XIX в. и состоявшая по преимуществу из выходцев из нижегородских сел.⁵⁰ В послевоенное время татары компактно проживали в районе, называвшемся Новой Стройкой. Отец Я. Ибрагимова, занимавшийся торговлей, был знаком с имамом Я. Халековым еще по Ленинграду. Он жил с многочисленной семьей на 8-й улице Новой Стройки в большом деревянном доме, как и многие другие татары.⁵¹

Вскоре к Я. Халекову приехала его жена из Ташкента, и они перебрались в дом к другому старожилу Орехово — Азизу Аюпову.⁵² Затем, в 1949 г. татарская община собрала деньги и купила Якубу хазрату с женой часть дома у татарина Абдулхая на 3-й улице Новой Стройки.⁵³

По воспоминаниям Максуда Аюпова, внука Азиза Аюпова, которому в те годы было 6–7 лет, Якуб Халеков «был среднего роста, нормального телосложения, имел скорее округлое лицо, без бороды и усов, которые он, кажется, сбрил, с залысинами на голове, носил длинное белое одеяние».⁵⁴

Мечети в Орехово тогда не существовало, и религиозные обряды осуществляли несколько старожилов, имевших начальное или среднее исламское образование. Одним из таких неофициальных мулл стал и Якуб Халеков. Он проводил пятничный намаз зимой и в ненастную погоду в доме одного из верующих, а летом — в чистом поле.⁵⁵ По воспоминаниям внучки Азиза Аюпова, Алии, «накануне праздников Рамадана и Курбан-байрама, за 2–3 дня до самого праздника, муллы ходили по домам членов татарской общины и читали молитву. Благо, у всех двери были открыты, люди продолжали жить и общаться как в хорошо знакомой им деревне, и у нас не было даже телефонов (в случае крайней нужды шли звонить на почту “в город”, т. е. в городскую часть Орехово-Зуева). Якуб хазрат обходил в основном дома, расположенные в районе 6–8 улиц, а, например, на 5-ю улицу приходил читать Казан-бабай — так называли другого “народного” муллу Шакирджана Рахматуллина».⁵⁶

Скончался Якуб Халеков 2 марта 1950 г. и был похоронен на старом татарском кладбище, возникшем в 1930-е гг. в качестве участка на городском кладбище. Его могила не сохранилась. Вскоре после смерти Якуба хазрата его жена уехала в Среднюю Азию. О ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно...

Заключением Военной прокуратуры Ленинградского военного округа от 29 сентября 1989 г. Якуб Кемалевич Халеков был посмертно реабилитирован.⁵⁷

После имама Якуба Халекова не осталось богословских сочинений. Он был скорее практиком, чем теоретиком. Но время, в которое он жил, часто требовало именно таких людей. Так получилось, что куда бы ни забрасывала судьба Я. Халекова, всюду он оказывался на своем

⁴⁶ Справка об освобождении Я. К. Халикова от 22 июня 1937 г. (Материалы автора).

⁴⁷ Интервью с С. Я. Халиковой, 10 января 2015 г. (Материалы автора).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Интервью с Г. А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г. (Материалы автора).

⁵⁰ Баутдинов Г. Ореховские татары. URL: <http://islam-ozuevo.ru/history/> (дата обращения: 10.09.2017).

⁵¹ Интервью с Г. А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г. (Материалы автора).

⁵² По воспоминаниям внука Азиза Аюпова — Максуда Аюпова (со слов Г. А. Баутдинова). Интервью с Г. А. Баутдиновым, 3 ноября 2015 г. (Материалы автора).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Интервью с Г. А. Баутдиновым, 24 октября 2015 г. (Материалы автора).

⁵⁶ По воспоминаниям внучки Азиза Аюпова — Алии Аюповой (со слов Г. А. Баутдинова). Интервью с Г. А. Баутдиновым, 19 ноября 2015 г. (Материалы автора).

⁵⁷ Заключение по материалам архивного уголовного дела № П-74704 о признании подвергшейся политической репрессии и реабилитации. 28 марта 2006 г.

месте. За годы работы Я. Халекова муллой в Вологде мусульманская община города увеличилась почти в три раза. После долгих усилий мусульманам города в 1916 г. удалось добиться от губернских властей регистрации прихода.

В красном Петрограде Я. Халеков смог сохранить разнородную общину мусульман, увеличившуюся за счет прибывших в город жертв голода в Поволжье и бежавших от раскулачивания крестьян. Учитель и старший товарищ Я. Халекова Муса Бигеев был выдающимся богословом, но в ту пору мусульманам Петрограда был нужен человек, способный на доступном языке объяснить божественные исти-

ны. Не в последнюю очередь поэтому М. Бигеев принял мудрое решение пригласить Я. Халекова на должность имама-хатиба Соборной мечети. После ареста имамов Я. Халекова и К. Басырова у мусульман Ленинграда не осталось религиозного лидера, пользовавшегося авторитетом среди большинства верующих.

И, наконец, в самом конце жизни Я. Халеков оказался в Орехово-Зуеве, где его земляки — нижегородские татары — нуждались в духовном руководстве. Несмотря на тяжелую болезнь, Я. Халеков до последних дней выполнял обязанности неофициального муллы в татарской общине города.

Renat I. Bekkin

Doctor of Economic Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Institute for African Studies of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: bekkin@mail.ru

“TO THE TATARS THE SOVIET POWER IS ILL DISPOSED...” THE LIFE OF IMAM YA. K. KHALEKOV)

The article offers a reconstruction of the Leningrad Jami mosque's imam-khatib Yakub Khalekov. Three stages of his religious career have been discussed: 1) Vologda (1910–1917), 2) Petrograd-Leningrad (1920–1931) and 3) Orekhovo-Zuevo (1948–1950). The life of Ya. Khalekov illustrated the evolution of the state policy towards Islam in the Imperial and, later, in the Soviet Russia during the first half of the 20th century. Having started his career as a semi-official mullah in Vologda Ya. Khalekov managed to achieve formal recognition of his congregation by the official authorities. In 1921 he became the imam-khatib of the Petrograd (later the Leningrad) Jami mosque and the actual leader of the local Muslim community. In the late 1940s his countrymen from Nizhny Novgorod invited him to move to Orekhovo-Zuevo. He continued to serve there to the end of his life as the unofficial mullah not only performing religious rites, but also transferring religious knowledge to the younger generation. According to the author in 1920–40s what the Muslim community in the USSR needed most was not the outstanding theologians, but the imams capable of everyday religious work even in the semi-underground conditions. The article is based on the materials from the state and private archives, as well as the author's field study materials. Particular attention is paid to the materials from the investigative records of the case of “nationalistic counter-revolutionary group led by the mullahs Yakub Khalekov and Kemal Basyrov” (1931) which allowed reconstruction in addition to the Ya. Khalekov's biography also the history of the 1920s Leningrad Tatar-Muslim community.

Keywords: *imam-khatib, Tatar Muslim community, “Twenty” (“dvadcatka”), Pan-Islamism*

REFERENCES

- Arapov D. Yu. *Islam i musulmane (Po materialam Vostochnogo otdela OGPU. 1926 god)* [Islam and Muslims (Based on the materials of the Eastern Department of the OGPU, 1926)]. Moscow: ID Mardzhani Publ., 2010, iss. 1, 152 p. (in Russ.).
- Bautdinov G. *Orekhovskie tatar'y* [Orekhov Tatars]. Available at: <http://islam-ozuevo.ru/history/> (accessed: 10.09.2017). (in Russ.).
- Bekkin R. I. *Materialy chastnykh i gosudarstvennykh photoarkhivov kak istochnik po istorii tataro-musul'manskoj obschiny sovetskogo Petrograda-Leningrada. 1917–1991.* [History of Tatar-Muslims Community in Soviet Petrograd-Leningrad (1917–1991) Based on Private and State Photo Archives]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2016, no. 34 (4), pp. 118–148. (in Russ.).

- Bekkin R. I. *Musa Bigeev kak lider musul'mnskoj obschiny Petrograda (po materialam pisem Musy Jarullaha Bigeeva k Muhammed-Alimu Maksutovu* [Musa Bigeev as a leader of the Muslim community in Petrograd (two unknown letters of Musa Jarullah Bigeev to Muhammad-Alim Maksutov)]. *Iz istorii i kultury narodov Srednego Povolzhya* [From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region], 2017, no. 7, pp. 227–235. (in Russ.)
- Gafurova A. Sh. [Light in a century]. *Kazan* [Kazan], 2000, no. 12. Available at: http://tatarica.narod.ru/archive/03_2004/81_30.03.04-5.htm (accessed: 10.09.2017). (in Russ.)
- Gafurova A. Sh. *Tatarskaya gazeta "Nur" v Sankt-Peterburge i ee osnovatel Ataulla Bayazitov* [Tatar newspaper "Nur" in St. Petersburg and its founder Ataulla Bayazitov]. Saint Petersburg: Slaviya Publ., 2003, 59 p. (in Russ.)
- Khayrutdinov A. *Nasledie Musy Dzharrullakha Bigieva. Sbornik dokumentov i materialov* [The legacy of Musa Jarullah Bigiev. Collection of documents and materials]. Kazan: Iman Publ., 2000, part 1, 71 p. (in Russ.)
- Mukhametshin R. [Gataulla Bayazitov (184–1911)]. *Tatarskie intellektualy: istoricheskie portrety* [Tatar intellectuals: historical portraits]. Kazan: Magarif Publ., 2005, pp. 51–57. (in Russ.)
- Nabiev R. A., Gafarov A. A. [Problems of religious tolerance in the works of Muslim modernists of the late 19th — early 20th centuries]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2011, vol. 153, book 3, pp. 120–130. (in Russ.)
- Senyutkina O. N. Gabdulvakhid b. Suleyman b. *Salyuk: Gabdulvakhid Suleymanov k 220-letiyu so dnya rozhdeniya*. [Salyuk: Gabdulvakhid Suleymanov on the 220th Anniversary of his birth]. Nizhny Novgorod: Medina Publ., 2006, 48 p. (in Russ.)
- Suikkanen M. *Yksityinen Susi — Zinetullah Ahsen Bören (1886–1945) eletty ja koettu elämä, pro gradu-tutkielma* [Private Wolf — Zinetullah Ahsen Bören (1886–1945) lived and experienced life, master's thesis]. Tampere, 2012. (in Finnish)
- Tagirdzhanova A. N. [In the church could sound adhan...]. *Istoriya Peterburga* [The history of Petersburg], 2008, no. 2 (42), pp. 53–60. (in Russ.)
- Tagirdzhanova A. N. [The memory of the outstanding Tatar philosopher-theologian Musa Bigi (1873–1949)]. Available at: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/tagirjan.htm> (accessed: 10.09.2017). (in Russ.)
- Tagirdzhanova A. N. *Kniga o Muse-efendi, ego vremeni i sovremennikakh* [A book about Musa Effendi, his time and his contemporaries]. Kazan, 2010, 558 p. (in Russ.)
- Tagirdzhanova A. N. *Mecheti Peterburg: proekty, voploshchenie istoriya musul'manskoy obshchiny* [Mosque St. Petersburg: projects, embodiment of the history of the Muslim community]. Saint Petersburg: Poltorak Publ., 2014, 163 p. (in Russ.)
- Yunusov K. O. [Islam in St. Petersburg. Tatars of St. Petersburg, Mulla M. Z. Yunusov and the construction of the cathedral mosque]. *Arabskaya vyaz. Stati, doklady, vospominaniya* [Arabic ligature. Articles, reports, memoirs]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2012, pp. 252–262. (in Russ.)
- Zagidullin I. K. [The history of the Muslim community of Vologda]. *Islam minbare* [Islam minbare], 2011, no. 188–189. Available at: <http://www.idmedina.ru/minbare/?2418> (accessed: 10.09.2017). (in Russ.)